

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПИСЬМАХ СОВЕТСКОГО ПОЛИТЗАКЛЮЧЁННОГО (1933 – 1937) ПРИСТУПЫ ФОМЫ МИХАЙЛОВИЧА И ЕГО СУДЬБЕ В СОВЕТСКИХ ТЮРЬМАХ И КОНЦЛАГЕРЯХ

(в память о моём деде Фоме)

Идея подготовить этот материал возникла после моих многочисленных контактов с бывшими соотечественниками пожилого возраста, которые сейчас проживают вне пределов постсоветского пространства. Многие из них по-прежнему испытывают ностальгию по советскому прошлому несмотря на то, что уже десятки лет живут в странах развитой демократии, но имеют очень приблизительное представление об истинном нутре того монстра, которому президент Рональд Рейган очень коротко, но ёмко дал определение - «империя зла».

В наших беседах эти образованные, по советским понятиям, люди, получившие свои профессиональные знания в советских университетах и институтах, говорили мне, когда разговор заходил о сталинских репрессиях, «что время было такое, иначе было нельзя», что «иначе бы мы не построили социализм и не победили бы во Второй мировой войне» и изрекали прочие штампы советской, а теперь и российской, пропаганды. Ведь многие из них по-прежнему смотрят каналы российского телевидения и живут в смешанном пространстве ностальгии по своей юности и реалиях современного западного мира, где иммигранту, чтобы чего-то добиться, надо не только свободно владеть языком страны проживания, но и подтвердить свои профессиональные знания, а главное – пахать, пахать и ещё раз пахать, выражаясь народным языком. Не всем эти задачи по плечу, а значит и положение таких людей, в большинстве своём, на социальной лестнице стран, в которых я общался с такими людьми (в Греции, Чехии, Германии, Финляндии, Швеции и т.д.) не очень высокое, я бы сказал, ближе к самому низу. Отсюда и комплексы, и ностальгия. Но я сейчас не об этом.

В силу целого ряда причин людей такого толка вряд ли заинтересуют новые факты о жизни советских политзаключённых. Я также очень сомневаюсь, что переведенные мною на комп письма сидельца ГУЛАГа моего деда Фомы будут интересны современной молодёжи, которая также далека от этой тематики. Тем не менее я это сделал для ознакомления более широкой, чем круг нашей семьи, аудитории. И надеюсь, что некоторые из писем моего деда к его бывшей жене, моей бабушке Апполинару Степановне Янчук и дочерям Валентине (моей маме) и Мирославе (Ляле, моей тёте), дадут дополнительную информацию историкам и психологам о том, в каких условиях жили политзаключенные раннего периода развития советской репрессивной системы, как страдали, о чём думали, какие лелеяли мечты.

Ведь о том, в каких условиях выживали и погибали миллионы советских политзаключенных после 1937 года достаточно много и подробно написано и Александром Солженицыным, и Варламом Шаламовым, и Василием Гроссманом, а также другими менее известными узниками и исследователями советской репрессивной системы. Многие воспоминания заключенных ГУЛАГа и их родственников можно также найти в архиве общества Международный Мемориал. Мой материал будет лишь маленькой частицей в обширной информации по этому вопросу.

Но сначала – несколько предложений о том, кем был мой дед и почему его судьба может быть интересна не только его родным и близким. Для этого привожу некоторые факты из его жизни так сказать в миру, о происхождении, образовании и жизни в Польше, а впоследствии и в Украине.

Родился он в семье галицкого крестьянина, на территории, которая в те времена была частью Австро-Венгерской империи. После начальных классов в школе стал слушателем Полтавской духовной семинарии (вспоминаете, кто ещё из руководителей компартии СССР имел такой же эпизод в своей биографии?), затем закончил курсы при киевском университете и получил диплом агронома. Постоянно работал над своим образованием, даже в тюрьме, изучал философию, математику, физику, химию, агрономию, самостоятельно выучил и свободно владел семью языками – помимо родных ему украинского и польского, владел русским, чешским, немецким, французским и английским. Во время Первой мировой войны был призван в армию Австро-Венгерской империи, где служил младшим офицером, а потом в армию Галичины. В 1920 году стал членом коммунистической партии, в которой прошёл путь от рядового члена партии до члена политбюро коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), возглавлял КПЗУ в Волынском воеводстве Польши, был делегатом всех съездов КПЗУ, был делегирован в Коминтерн, основал и возглавил общество Просвита, был редактором ряда коммунистических изданий. Несколько раз был арестован и провёл какое-то время в польских тюрьмах.

В 1922 году Ф. М. Приступа был избран от Волыни в Сейм, первый выборный орган независимой Польши, и стал сенатором. В парламенте он был членом фракции коммунистов и членом Украинского клуба парламентариев. В 1927 году, в связи с окончанием неприкосновенности как депутата польского Сейма, бежал через Чехословакию в советскую Украину и вплоть до ареста в 1933 году занимал ряд руководящих должностей в компартии Украины, в том числе был первым ректором Университета марксизма-ленинизма (Харьков в те времена был столицей Украины), был президентом (главой) МОПР (Международной Организации Помощи Политзаключённым), занимал должность референта министра просвещения, и т.д.

После побега деда из Польши, в том же 1927 году его семья была нелегально переправлена в Украину, в опломбированном вагоне с якобы «дипломатическим грузом». Эта «операция» была осуществлена под личным руководством посла СССР в Польше П. Войкова.

А теперь возвращаюсь к свидетельствам истории, письмам деда из советских тюрем и концлагерей.

Эти письма очень ветхие, иногда написаны карандашом на маленьких клочках бумаги, как правило – «четвертушках», и посему трудно читаемы (как ни как им уже почти 100 лет). Большинство писем, по моему мнению, мало интересны широкому читателю - кому интересны наставления и нравоучения отца своим детям? Но часть писем содержит прорвавшиеся сквозь цензуру детали быта политзаключённого, условия его безуспешной борьбы за свою жизнь, и это может быть интересно и историкам, и психологам, да и некоторым простым обывателям.

Упомянутые мною письма относятся к периоду пребывания Фомы Михайловича Приступы в харьковской тюрьме НКВД, Верхнеуральском изоляторе для политических заключённых, в Белбалтлаге на станции «Медвежья Гора», 3-й лагпункт, расположенном на континенте неподалеку от Соловецких островов, на Соловецких островах и в Лукьяновской тюрьме НКВД в городе Киеве.

Первая часть писем написана на украинском языке, позже, по требованию цензуры, письма написаны уже на русском, а последние письма с Соловков и из Лукьяновской тюрьмы снова на украинском. Всего более 100 писем и открыток, не только пронизанных любовью и тоской по

своим дочерям, но и несущих хотя и скудную по понятным причинам информацию (чтобы цензура не вымарала, есть и такие письма, или просто не выбросила в мусорную корзину), но и важные факты повседневной жизни советских политзаключенных и их борьбе за выживание. Привожу только два письма из нашей семейного архива. Орфография и стилистика писем полностью сохранены.

БелБалтЛог

29/10/36

Мои маленькие дорогие доци! Письма от вас я не получил и, вероятно, не получу. Я здесь временно, я должен ехать на Соловки. Нахожусь здесь с 26 августа. Заболел в дороге колитом, а здесь не хотели лечить, и пища была не для больного, поэтому я объявил голодовку и голодал 45 дней. На 9-й день начали кормить искусственно, а в больницу не хотели положить. Я написал об этом в НКВД, а на 18 сутки перевезли меня в лазарет. Состояние было неважное. Понос слизью по 10 -15 раз в сутки, а кормили при этом молоком, что ещё усиливало болезнь. Я в отчаянии уже не слушал уговоров прекратить голодовку и отказался ехать в Соловки. Лучше сразу покончить....чем годами мучится. ... Когда общее состояние очень ухудшилось, т.к. не так голодовка, как болезнь совсем сломила меня – по уговору врачей я прекратил голодовку, написав в НКВД заявление, что голодовку прекращаю. Ввиду тяжёлого состояния здоровья и неподдающейся лечению болезни, а требования свои поддерживать буду обычным путём. Конечно, я жалею, что голодал, но местные чинуши довели меня до этого своим грубым, нечеловеческим обращением... Я написал заявление тт. Кагановичу, Постышеву и Ежову, где просил оставить меня на материке Европейской части России и дать возможность работать, но ответа не получил. Говорят много об амнистии по случаю Конституции, но как это будет не известно. Одни хвалят Соловки, другие наоборот... Кажется, что условия там неплохие, если сравнивать с другими, но всё же. После 3.5 лет тюрьмы хотелось бы немного подышать не тюремным воздухом. Больше всего боюсь быть без работы, т.к. это очень влияет мне на нервную систему. Раньше (в Верхнеуральске) предполагали, что у меня язва желудка, но рентген на Медвежьей Горе показал, что нет язвы, только *Hyperthonia Periduodemlis* (?). Врач местный признал хронический колит и хронический катар желудка, невроз сердца и межрёберная невралгия. Сейчас я уже хожу, с диеты перевели меня на слабое, с сухарей на серый хлеб. Вообще лечили неплохо, и я сам делаю всё, чтобы скорее поправиться. Пища тоже удовлетворительная: 500 г серого хлеба в день (это местный белый), 400 г простокваши (от молока понос), 25 г сахару, утром рис с маргарином, на обед суп или бульон, картофельное пюре с маргарином и кисель, на ужин рис с маргарином. Через пару дней переведут меня на более разнообразную пищу, а после Октябрьских пр. совсем выпишусь. Говорят, что с Соловок можно писать 1 – 2 письма в месяц, а получать можно сколько угодно. Пока я не знаю своего адреса, писать мне, а тем более посылать чего бы то ни было не надо, т.к. мне не дадут и может пропасть. Только вчера я с трудом добился того, что мне сказали, что пришли деньги, но сколько и получить их – это целая мука. Сами о присылке денег даже не извещают. Надеюсь, через 3 – 4 дня получить 10 р. и узнать сколько денег и тогда напишу Вам. Писем не пропускают. Вы не волнуйтесь – скоро уже узнаю о своём новом житие и тогда Вам напишу больше и от Вас смогу получить письмо. Не вздумайте посылать посылку, т.к. я не получу, и Вы обратно тоже. На свидание нужно иметь разрешение из Москвы из «Гулага» при Н.К.В.Д, но можно и в СПО гу.Г.Б. Впрочем, об этом более подробно можете узнать в Н.К.В.Д., но без разрешения ехать не надо, лучше было бы если бы в Н.К.В.Д назначили и срок (дают 8 – 10 часов), иногда несколько дней, иногда право жить несколько

дней с семьёй. Но это зависит от Н.К.В.Д., как кто там сумеет добиться. Впрочем, это дело ещё далёкого будущего, но я предупреждаю. На Соловки семьёй не пускают, а для свидания вывозят заключенных на материк, на т.н. Морской Сплав (в 12 км от Кеми). Погода очень переменчива здесь. Несколько дней лежал снег, был мороз, а уже 2 дня то солнце, то дождь и немного тепло.

Скоро 3 месяца как я ничего не знаю о Вас, но внушаю себе, что вы здоровы и всё у Вас благополучно, а пока, мои коханные пташечки, пишите уже мне письма о вашем здоровье, как вы провели лето, как дела в школе, дома, работает ли мама? Словом, много, много о себе пишите и когда получите мой адрес с постоянного места, тогда сразу же 2 – 3 письма посылайте. Ведь у Вас столько интересного. А я больше ни голодать, ни болеть не буду, скоро поправлюсь совсем и буду добиваться работы. Может быть, пойду агрономом работать, если разрешат. Пока желаю вам весёлых праздников и горячо вас целую, мои золотые рыбки, мои дорогие, любимые детки. Поцелуйте обе за меня маму.

Медв. Гора

1/11/36

Мої дорогі! Я вам післав звідси вже кілька листів, но вони, видно, пропали десь. Сьогодні у мене велика радість: рано принесли мені спішного листа і дві открытки від 25/10. Коли статист прийшов з листами я закричав: «Дайте мені листа», а він відразу дає три. Я зліз з ліжка і так його тряс від радості, а потім підняв на «ура», а потім спрятався в куток, бо не міг стриматись вже. Валіна карточка також є. Гроші прийшли і завтра я їх одержу. Поки пишу ще раз доплатне, бо, кажуть, що так швидше дійде. Пишіть мені по руські, бо не кожний цензор розуміє по укр. Я пишу цього листа на укр., щоб перевірити себе чи я ще не забув. На днях післав вам доплатного листа, з якого ви знаєте все про мою хворобу. За мене не хвилюйтеся. Я вже здоров і після Жовтн. свят поїду на Соловки. Лікарства всі я маю і лікують мене добре. Приймаю ще бісмут з таннольбіном, хоч вже і не потрібен він мені, фітін і соляну кислоту з пейстном і часом від невроза серця. Тепер я спокійний за вас, хоч ваше всіх здоров*я та матеріальний стан хвилюють мене менше. За Катю більше писати не буду і раніш я думав, що вона з нею ще більш під її впливом. Вона з мужем і Павлові допомогла, а особливо нам... Брехункам і злодіям завжди було не погано. Звичайно Катю не сама взяла до себе. Но може це для Каті з багатьох можливих зол не найгірше. Листи від мами «до вас» одержує мабуть «опікунка» Каті, а решта Ваші лежать. Це правда, що Павло підпав під вплив тих гадів, а тому й сам за це отримав.

Мої дорогі діточки! Коли б ви могли самі уявити тільки мої переживання фізичні і моральні. Ви послушали б мої поради щирої, батьківської: дбати за своє здоров*я та добре вчитись. Особливо це відноситься до Ляльці. Я Вам відверто скажу, що коли б не думка про Вас, більше мені вже не писали, ні я Вам. Коли мене важко хворого та голодуючого переконували припинити голодівку, бо люди здоровіші за мене відходили з цього світу на моїх очах, я заявив що для мене краще скоріше покінчити свої митарства. Були дні, коли я ні про що вже не думав, а моїм кормом була камфора та 100 гр. *elixir mirthylorum*. На 46 день під впливом лікарів та розсудливих людей, які довбили мені в голову, що я повинен для Вас жити, я послухав і припинив голодівку 11/10 Зрозумійте, що для мене тільки думка про вас є стимулом до життя.

Більше в мене нічого не залишилось. І коли ви мене цього позбавите, то я й хвилинки не призадумуюсь, щоби скоротити свій життєвий шлях.

Про що я вас прошу? Ви не маленькі й зрозумійте, що перед вами ще великий життєвий шлях, до якого вам треба підготуватися. А прийдеться вам (і не тільки вам) пережити багато важких хвилин. Ви можете багато зробити для себе, щоб хоч трохи зберегти здоров'я – ну хоч би не простужувались. Адже мама, по змозі, робить все, щоби вас одягнути, нагодувати. Чому ви легковажите своїм здоров'ям. Чому кохана Ляльця лінива та не слухає мами, і не вчиться? Моя Ляльце дорога! Ти бачиш, як погано, що Пало і Катя не вчилися, не слухались доброї поради. А тепер життя їх зломане. Любі діточки! Молю вас – подумайте добре над всім, та змініть своє поведіння. Школа дає вам багато для життя – беріть з неї все гарне та від людей вчіться доброго. Не будьте лінивими, вчіться добре та поведіть себе добре, щоби не ганьбити себе та своїх родичів. Коли дадуть мені змогу робити, та заробити що-небудь, я вам буду допомагати. Коли б я знав, що Ляльця така нехороша, я навіть не написав би був нічого про себе, а тим більше не просив би нічого. Тепер мені дуже боляче, но я ще вірю, що Ляльця поправиться. Правда, моя пташка золота?

Мабуть числа 10 – 12 я звідси виїду і тоді напишу вам в день виписки, а потім з нового місця. Звідки я зможу писати вам тільки раз в місяць, но мені ви можете коли і скільки захочете. Листи йдуть не довго, но часом по кілька днів затримуються в цензурі. Посилки ніякої мені не треба. Я раніше не знав тутешніх умов. Тут і на (Соловках) видають казенний одяг, взуття, білизну, постіль і пр. Всі кажуть, що там не погано і їжа задовільна. Для хворих шлунком дають дієтичне харчування. Я себе вже так вивчив, що більше не захворію. Багато тут говорять, що буде амністія. Я послав заяви тт. Кагановичу, Постишеву та Єжову, щоби зм'ягчили мені режим, скоротили срок та дозволили робити де-небудь на материку. Відповіді не маю і не певен, що мої заяви попали хоч до їх помічників, бо тут пропадають і листи і заяви досить часто. Коли амністія і буде, невідомо, чи на мене вона поширюється (страшна стаття 58/2) А може? По всіх інших статтях вже тепер багато звільнюють досрочно по їх просьбі перед ЦИК. В лютому місяці в Верхнеуральск през. Була Андрєєва (заступник нач. С.П.О. Н.К.В.Д). Я просив її, та передав через неї заяву наркому В. Дел. про зм'ягчення режиму та дозвіл працювати. Вона мені відповіла, що на Україну мене не пустять. Я сказав, що це мені байдуже, але в тюрмі хай мене не тримають, надіюся, що вивезуть мене кудись в ссылку замість заслання. Посилають на Соловки і кажуть, що це зм'ягчення режиму. Можливо, але я вже так зневірився, ще коли ще хворому відмовили в переведенні до лікарні (треба було чекати ще тиждень на етапі і там тільки я міг одержати меддопомогу). Я об'явив голодовку і відмовився зовсім їхати на Соловки. Був у мене коліт в важкій формі, гастрит, та невроз серця. На 46 день я голодовку припинив, бо лікувати мене зовсім не могли. На 9 день почали вливати в мене через кишку 900 г молока, 50 г масла і 50 г цукру (по 2 рази в день). Молоко ще більше усилило коліт. На 18 сутки мене перевезли з ізолятора в лазарет, де я продовжував голодівку і по кілька днів нічого не їв. Голодував з 26/08 до 10/10. Виглядав я так, що сам себе не пізнав би на фото. Не міг вилізти на високу табуретку. Тепер бисто поправляюсь, ходжу, не більше 50 метрів, бо болять ноги та голова. Но сили маю вже стільки, що сьогодні за листи підняв чоловіка. Мабуть за 10 -12 днів зможу вже відправитись в дорогу. Ні яких речей мені не купуйте, тут все видають, а свої речі викрадають. Крадуть здорово и все. Коли ще з мій костюм, обов'язково продайте його, та купіть собі необхідне, бо костюм мені не потрібний. Більш про свої нові умови напишу з Сол., бо тут тільки з оповідань знаю про них, а в яких умовах буду не знаю. Там, кажуть, народ другий і не крадуть, як тут. І клімат, ніби, м'якчий ніж тут. Морозів вже нема, сніг зник, падав дощ.

Взагалі, погода дуже тут міняється. Можливо що з Соловків напишу заяву про помилування, коли дізнаюсь, як там справи виглядають.

Валечка гарно виглядає. Ляльця ще більше, мабуть, виросла. Я питав вас кілька разів з Верхнеуральська чи отримали ви книжки мої, які послав я ще в маю. 3/11 мені минає 41 р. Що нового принесе 42? Після жовтневих свят більше сюди не пишійть, бо я вже не отримаю. Хіба щось змінилось би, тоді я напишу. Надіюсь, що Ляльця сама напише мені. За листа не гнівайтесь. Напише як вона почала по новому жити, як міняє свій характер, як вчиться і т.д. Цього листа Лялечка пришле на новий адрес, коли його получить. А може вона навмисне так робить, щоб я не писав більше до неї. Тоді напише вона сама мені про це і я тривожити її більше не буду. Но надіюсь, що я помиляюсь.

Бажаю Вам, мої кохані, всього найкращого. Гаряче, гаряче Вас цілую, та міцно обнімаю. Як хотів би я поговорити з Вами свобідно про все що Вас торкається. Може колись це можливо буде. Так що вас цілую, мої дорогесенькі. Татко.

***Примечание:** Всего с 1933 по 1937 года моя мама получила более 100 писем и открыток, в том числе в 1936 году от Фомы Михайловича было получено 27 писем, 4 открытки и одна записка, а в 1937 – 14 писем и одна записка, из которых 10 из БелБалтЛага (с лагпункта №3, расположенного на станции Медвежья Гора, и с Соловков) и 4 из Лукьяновской тюрьмы в Киеве, где дедушка находился с 15 июля 1937 года и до дня казни 23 ноября 1937 года.*

Вместо эпилога

Фома Михайлович Приступа, мой дедушка по материнской линии, был осуждён по статье 58-2, Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года и более поздних редакциях, которая устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. Содержание этой статьи приведено ниже:

58-2. Вооружённое восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от Советского Союза любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть: расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трёх лет, с конфискацией всего или части имущества.

С 1921 по 1953 год за контрреволюционные преступления^[6], по подсчётам МВД СССР, было осуждено 3, 777, 380 человек, в том числе приговорены к высшей мере наказания 642 980 человек^[7]. Для сравнения, в нацистской Германии в период с 1933 по 1940 год были казнены 667 немецких граждан за уголовные и политические преступления, и всего порядка 100 человек из числа казнённых были политическими противниками нацистского режима. Но нельзя забывать, что в период нахождения нацистов у власти были заключены в концлагеря или уничтожены миллионы евреев, поляков, цыган и представителей других народов, однако эти люди не были для нацистского режима политическими противниками. Они были для нацистов представителями низших рас и стали жертвами претворения в жизнь человеконенавистнической теории превосходства немецкой расы.

Необходимо подчеркнуть, что приведенные выше цифры жертв сталинских политических репрессий относятся только к осужденным по 58 статье. А ведь было много и других статей, по которым людей несправедливо судили и, как раньше говорили, «отправляли в места не столь отдаленные», а то и в мир иной. По одной из таких статей, не знаю её номер, в народе её называли ЧСР (член семьи репрессированного), за отказ публично осудить своего репрессированного отца и отречься от него на общем собрании студентов Харьковского художественного училища, получила 8 лет лагерей и моя мама. Но условия заключения моей мамы (и папы тоже) уже в корне отличались от условий «отсидки» её отца. В их случае это была работа до изнеможения на лесоповале в Сибири и в летнюю жару, и в зимнюю стужу при морозах ниже -30С, издевательства охраны и уголовников, урезание пайки при невыполнении норм; а чем меньше пайка, тем ты становился слабее и было ещё труднее эту самую норму выполнить, и, как следствие, очередное урезание пайки, и так до полного обессиливания, а в итоге - смерти. Но это уже совсем другая история.

Но вернёмся к истории моего дедушки. С Верхнеуральского изолятора для политзаключённых он был переведен в БелБалтЛяг, 3 лагпункт, станция Медвежья Гора, где в поддержку своих требований держал 2-х месячную голодовку. В начале 1937 года он был переведен на Соловки и находился там до середины июля месяца, откуда его по этапу отправили в Киев, в печально знаменитую Лукьяновскую тюрьму НКВД. Моего деда промучали в этой тюрьме пять месяцев, а 20 ноября 1937 года присно известная «тройка» приговорила его к смертной казни (в письме, приведенном выше, дед задавал себе вопрос, как он встретит свой 42 год рождения? Встретил он его в Лукьяновской тюрьме). Приговор был приведен в исполнение через три дня после заседания «тройки», 23 ноября 1937 года. А его семья узнала о его истинной судьбе уже во время хрущёвской оттепели.

Фома Михайлович был реабилитирован в 60-е годы, о нём было написано несколько статей в исторических и коммунистических журналах как о «выдающемся деятеле мирового коммунистического движения», создателе фракции коммунистов в первом парламенте независимой Польши при Пилсудском, борце за независимость Западной Украины. Он был одним из пяти создателей коммунистической партии Польши, а также одним из организаторов и руководителей коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), которая была распущена советской властью в 30-е годы, а подавляющее большинство её руководителей были репрессированы. Так, по делу деда проходили более 280 руководителей и рядовых членов КПЗУ, большинство из которых, включая секретных агентов НКВД внутри партии, были расстреляны.

Несколько месяцев назад я сделал запрос на получение копии дела моего деда, и после определённых технических трудностей получил от властей Украины электронные копии четырёх томов (более 1000 страниц!) его уголовного дела и ещё сотню страниц дела по его реабилитации, проведенной генеральной прокуратурой Украины в период хрущёвской оттепели. Все эти документы в советские времена имели гриф «Совершенно секретно», а в современной России и сейчас засекречены. И все многолетние попытки Мемориала получить доступ к таким делам оказались безуспешными.

Но вернёмся к истории моего деда. По моим представлениям, основываясь на рассказах моей бабушки и мамы, Фома Михайлович был романтиком, искренне верящим в справедливость и бескорыстно боровшимся за независимость Украины и свободу украинского народа, верящим в его светлое будущее в условиях социализма. Но построенный большевиками социализм

принес украинскому народу нищету и Голодомор, уничтожил украинскую интеллигенцию и зажиточное крестьянство, отправил в тюрьмы и лагеря миллионы простых людей, промыл мозги населения Украины большевистской пропагандой и в большинстве своём превратил его, то бишь народ, в серую массу, как, впрочем, и население остальных республик бывшего СССР.

Мой дед приложил свою руку к созданию того страшного Молоха, пожирающего своих детей, которым была коммунистическая партия. И он сам стал одной из первых жертв чудовища, созданного коммунистической партией, имя которому - Советская власть. За свой романтизм Ф.М. Приступа заплатил жизнью.

Как мне официально сообщили из центрального архива Службы Безопасности Украины, расстрелянных в 1937 – 1940 годах хоронили в 19 и 20 кварталах Быкивнянского лесного массива, под Киевом. Там захоронен и мой дед Фома. Сегодня на этом месте расположен национальный историко-мемориальный заповедник «Быкивнянские могилы».

Пусть земля ему будет пухом.